

Читайте в серии:

1. Тайна дома на улице Морг
2. Двойное исчезновение Мэри Роже
3. Обман в особняке ужасов
4. Секрет второй пули
5. Дело золотого жука

КУКА КАНАЛЬС

Секрет
ВТОРОЙ
ПУЛИ

Иллюстратор Синди Фройлих

Москва
2020

УДК 821.134.2-93
ББК 84(4Исп)-44
К19

CUCA CANALS
Title of the original edition:
EL ENIGMA DE LA CARTA

© Cuca Canals, 2018
Originally published in Spain by edebé, 2018
www.edebe.com

Канальс, Кука.

К19 Секрет второй пули: [повесть] / Кука Канальс ;
[перевод с испанского Н. Беленькой] ; иллюстратор
Синди Фройлих. — Москва : Эксмо, 2020. — 176 с.

ISBN 978-5-04-109121-7

На этот раз к моей помощи прибегнул сам губернатор! Он просил найти похищенное у него письмо. Дело весьма щекотливое — если письмо будет обнародовано, то губернатор может лишиться должности. Похититель едва не обманул меня, юного, но гениального сыщика! Но я сумел его перехитрить. Всего-то надо было поставить себя на его место...

УДК 821.134.2-93
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-109121-7

© Беленькая Н., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ, КОТОРЫЙ ВПЕРВЫЕ ВЗЯЛ В РУКИ МОЮ КНИГУ

Дорогой друг или подруга!

Меня зовут Эдгар Аллан По, мне 11 лет, я живу с приёмными родителями в Бостоне, столице Массачусетса, на улице Морг.

Моя мама умерла 3 года назад, а о том, что отец по-прежнему жив, я узнал совсем недавно. У одного дальнего родственника мне удалось выяснить, что он перебрался в Дублин. Похоже, он решил не заботиться о нас, даже несмотря на мамину смерть. У меня есть родная сестра Розали и брат Уильям Генри Леонард. Мы все вместе были в детском доме, пока пару лет назад нас не распределили по трём разным семьям. К счастью, Розали со своими приёмными родителями живёт всего через 2 улицы от моего дома. Зато Уильям Генри обитает в Балтиморе, в 399 милях от Бостона.

Своих приёмных родителей я называю мачехой и отчимом, потому что помню своих настоящих маму и папу. У них есть родной сын, Роберт Аллан, ему 16 лет. Я его терпеть не могу. Он меня ненавидит, потому что считает, что я когда-нибудь присвою деньги его родителей.

Он постоянно меня задирает. Уверен, что в глубине души Роберт хочет меня убить.

В школе меня зовут Страненньким, но мне безразницы, что говорят другие. Кому я мешаю такой, каков я есть? Разве не все мы немного странные? У кого из нас нет какой-нибудь причуды? Разве не хуже те люди, которые считают себя нормальными и постоянно мешают жить другим? Мне кажется, что быть странным значит быть особенным, не таким, как все. По мне, это скорее плюс, чем минус.

Обожаю создавать геометрические фигуры из всего, что под руку подвернётся: из картофельного пюре делаю квадратики; из камешков, которые подбираю в саду, — треугольники; а на пыльной поверхности рисую кружки кончиком указательного пальца. А ещё я терпеть не могу, когда предметы, лежащие рядом, касаются друг друга, будь то ложки-вилки или цветные мелки. Когда ложусь спать, прежде чем закрыть глаза, всегда считаю до 13. Ещё я суеверный. Вставая утром с кровати, касаюсь пола непременно правой ногой. Если случайно ошибусь и встану не с той ноги, лежу потом весь день и притворяюсь больным, потому что иначе приёмные родители выпихнут меня в школу. Если ночью бушует гроза, я плотно закрываю окно и закутываюсь в оде-

яло. Это у меня с тех пор, как я где-то вычитал, что призраки, которые в грозу так и кишат, могут откусить пупок и сожрать внутренности человека за милую душу.

Ещё одна причина, по которой меня считают странным, заключается в том, что мой отчим — владелец похоронной конторы, где я, надо признать, довольно часто бываю: всякий раз, когда отчим за что-либо на меня сердится, он отправляет меня туда подметать мусор и мыть пол. Это не только сделало меня специалистом по уборке, но и позволило увидеть сотни трупов: чтобы быть точным — 491 мертвец на сегодняшний день. В первое время покойники меня пугали и вызывали отвращение, но сейчас я чувствую к ним лишь почтительное равнодушие. Иной раз, когда я всё хорошенько подмету, ложусь вздремнуть в один из пустых гробов и мысленно благодарю покойников, которые, если что, ни слова не наябедничают моему приёмному родителю. В этом преимущество жизни среди мертвецов: они никому не мешают и не досаждают. Своей шваброй я люблю собирать мусор в небольшие кучки, воображая, что пыль и опилки превращаются в огромных жуков, тараканов или пауков, которые заползают на стены. Они так ужасны, что даже трупы трепещут при их приближении.

Под влиянием моего приёмного родителя, человека весьма прагматичного, я, как правило, одеваюсь во всё чёрное. Зато пятна и потёртости на чёрной одежде не так бросаются в глаза, и у приёмной матери со мной меньше возни. Вот список одежды, которая у меня есть (кстати, ещё я обожаю составлять разные списки!):

МОЯ ОДЕЖДА:

- 6 чёрных рубашек
- 3 чёрных свитера со стоячим воротом
- 1 чёрная жилетка
- 2 чёрных пальто
- 2 пары чёрных ботинок
- 3 пары чёрных брюк
- 6 чёрных маек
- 3 ногные рубашки чёрного цвета

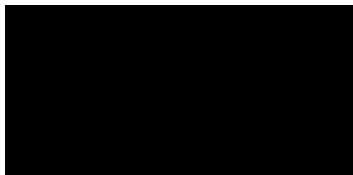
Возможно, этот неизменный чёрный цвет также мешает окружающим воспринимать меня как нормального человека, но меня это

не слишком волнует: если честно, я и сам люблю чёрный цвет. Как и ночную тьму.

Да, мне нравится темнота. В темноте можно фантазировать. Закрывая глаза, я могу делать всё, что хочу: представлять, что летаю или что мне предстоит сразиться с целым стадом бизонов. Это примерно так же, как если ты пытаешься что-нибудь сочинить. Я вижу воображаемые миры, создаю необыкновенных людей и даже иной раз свожу счёты со своим приёмным братом Робертом Алланом. Вот почему я хочу стать писателем, когда вырасту.

А главное — благодаря воображению я в любой момент могу увидеть мою настоящую маму. Она приходит ко мне, и мы обнимаемся.

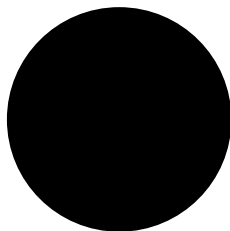
Как-то раз на уроке рисования меня попросили нарисовать тарелку супа, и я нарисовал чёрный прямоугольник, приблизительно такой:

Я сказал учителю, что отлично вижу внутри тарелку с супом. Я предложил ему включить воображение, но, как и большинство взрослых,

он так ничего и не увидел. Тогда я нарисовал
немного по-другому:

Я нарисовал круг, и только тогда он смог
представить себе хотя бы тарелку. Но мою ра-
боту он всё равно не засчитал, потому что супа
так и не увидел.

У меня есть амулет, признаться, тоже не-
очень «нормальный», — глаз мертвеца, который
хранится в баночке с формалином. Я украл его
во время очередных похорон, организованных
отчимом, и с тех пор всегда ношу в кармане.
Глаз также играет роль моего секретного ору-
жия защиты. Если кто-то меня достаёт, я пока-
зываю ему баночку с глазом, и в 99% случаев
меня оставляют в покое.

Есть у меня и необычное домашнее живот-
ное — ворон, которому я дал имя Неверленд¹.

¹ *Англ.* Neverlend — слово, придуманное Джеймсом
Барри. Так называется остров, на котором живет Питер
Пен. На русский язык название острова часто переводят
как страна Нетинебудет, Нетландия (*прим.ред.*).

Это единственное слово, которое он умеет произносить! Он то и дело его повторяет, поэтому придумать для него имя не составило труда. Неверленд живёт на крыше нашего дома, и зимой, когда наступают холода, я пускаю его спать на чердак, где хранится всякая рухлядь. Иногда он сопровождает меня, куда бы я ни направился, словно охраняя с неба. Когда он провожает меня в школу, я прошу его держаться на приличном расстоянии, чтобы никому не пришло в голову, что мы дружим. Розали — одна из немногих, кто знаком с моим вороном. Отчим, разумеется, даже не подозревает о его существовании. А если бы узнал, без лишних раздумий повывёргивал бы у него все перья и вышвырнул вон.

Помимо учёбы в школе, я продаю ужасы. Да, самые настоящие страшилки, чтобы как следует кого-нибудь напугать. В обмен на небольшую сумму денег мои клиенты могут получить один из ужасов из предложенного мною ассортимента. Для чего это нужно? Очень просто: чтобы запугать человека, которого не любит мой клиент. В моём каталоге имеются любые виды ужасов — от лёгкого испуга, чтобы проучить жестоких родителей или зарвавшихся старших братьев, до жутких кошмаров, чтобы отомстить несправедливым учителям или безжалостным опекунам.

Моя мечта — собрать достаточно денег, чтобы брат, сестра и я смогли все вместе отправиться в Ирландию, в Дублин, и отыскать там нашего родного отца. Продавая ужасы, я уже скопил приличную сумму денег, но теперь я знаю, что смогу заработать ещё больше. Так вышло, что Огюст Дюпен, знаменитый инспектор полиции Бостона, попросил меня помочь ему в раскрытии трёх его последних дел. Благодаря моей помощи убийцы были найдены. А я получил щедрое вознаграждение. Я рассчитываю помогать Дюпену и дальше. К сожалению, мой сводный брат Роберт Аллан украл у меня все деньги, которые я скопил, продавая ужасы и помогая полиции. Хочу их вернуть, правда, пока не знаю, как именно.

А сейчас расскажу вам четвертую историю.

Надеюсь, вам она покажется не менее зловещей.

Спасибо за внимание.

С наилучшими пожеланиями,

Эдгар Аллан По

НОВОСТИ ОБ ОТЦЕ!

Два месяца подряд мы с моей сестрёнкой Розали ходили в бостонский порт и дожидались прибытия кораблей из Дублина. Мы наведывались туда приблизительно каждые 15 дней. Почти все пассажиры этих судов были дублинцами, устремившимися в Соединённые Штаты в поисках новой жизни. Мужчины, женщины, целые семьи. Были даже дети, которые путешествовали самостоятельно. На берегу гигантские, покорившие океан корабли встречала целая толпа народу. Человеческая фауна, которую представляла собой эта толпа, была в высшей степени разнообразна. Путешественники, родственники, торговцы, зеваки, продавцы еды и напитков, а также карманники и другие пройдохи, которым эта пёстрая толчея обещала хорошую выручку.

В тот день наш старший брат Уильям Генри Леонард, приехавший в Бостон погостить, отправился в порт с нами. Всякий раз мы надеялись, что кто-нибудь из пассажиров, ступающих на американскую землю, окажется знакомым нашего отца.

Мы заняли места у главного причала. Огромный лайнер готовился пристать к берегу и стать на якорь. Толпа возбуждённо гудела. Кто-то махал платком, приветствуя пассажиров, кто-то плакал от волнения. Розали залезла на плечи Уильяму Генри, чтобы лучше рассмотреть пассажиров, готовящихся покинуть корабль. В руках она держала большой лист бумаги с портретом нашего отца. Этот портрет нарисовал углём один полицейский по системе, разработанной инспектором Дюпеном для розыска подозреваемых. Портрет преступника делается на основании полученных данных: возраст, пол, форма головы, глаза, брови, ширина лба, нос... Так, описание нашего отца — из того, что мы о нём слышали, — было следующим: человек лет 40, лицо овальное, волосы тёмные и пышные, глаза светлые, брови густые, острый подбородок и тонкий нос.

Сестрёнка подняла листок с рисунком, развернув его в сторону причала, на который начали спускаться первые пассажиры.

— Кто-нибудь знает этого человека? — выкрикивала Розали как можно громче.

За всё это время никто не ответил на этот вопрос утвердительно, но мы не теряли надежду. Сестрёнка старалась привлечь внимание всех, кто проходил мимо. Вот какая-то дама остановилась, чтобы рассмотреть рисунок внимательнее.

— Взгляните на этот портрет, — обратилась к ней сестрёнка. — Это мой отец. Вы его случайно не видели?

Одним из последних пассажиров, покинувших корабль, был моряк лет 50. Его борода доставала чуть ли не до пояса. Он остановился напротив портрета и уставился на него во все глаза.

— Вы знаете, кто этот человек? Он вам кого-то напоминает? — спросил мой брат Уильям Генри.

Человек задумчиво кивнул. Наши сердца беспокойно забились. Впервые кто-то всерьёз обратил внимание на этот портрет.

— Вы правда знаете нашего отца? — быстро спросил я.

— Правда знаете нашего отца? — Розали всё повторяла за мной слово в слово, как попугай.

— Вы знаете, где он живёт? — спросил Уильям Генри.

Моряк нахмурился, но ничего не ответил.

— Он жив? — нетерпеливо спросил я.

— Жив? — повторила сестрёнка.